

по представленному по начальству медицинскому свидетельству к команде прибыл 23-го ноября» (ЦГВИА, ф. 827, оп. 8, ед. хр. 1224, л. 38).

1845

Октября 30. Назначен начальником I-го стола канцелярии Ревельской инженерной команды (ЦГИА ЭССР, ф. 79, инв. I, ед. хр. 22, л. 30).

1846

Мая 11. Назначен дежурным офицером команды (ЦГИА ЭССР, ф. 79, инв. I, ед. хр. 22, л. 46).

Свеаборгская инженерная команда

Мая 20—октября 14, 1847

Мая 20. Переведен в Свеаборгскую инженерную команду, куда отправился 11 и прибыл 20 мая (ЦГВИА, ф. 827, оп. 8, ед. хр. 1224, л. 38).

Сентября 25. Отбыл пароходом из Ревеля в Петербург (Список пассажиров. — Rwn, 1847, с. 1212).

Октября 14. Находится в отпуске, срок которого продлен, «со времени окончания 28-мидневного, еще на два месяца». Увольняется «со службы по домашним обстоятельствам» подпоручиком (ЦГВИА, ф. 312, оп. I, ед. хр. 77).

Н. Ф. БУДАНОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ ДОСТОЕВСКОГО ПО ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ

(Опыт атрибуции)

«„Дневник писателя“ дал мне средство ближе видеть русскую женщину, я получил несколько замечательных писем: меня, немелого, спрашивают они: „что делать?“ Я ценю эти вопросы и недостаток умения в ответах стараюсь искупить искренностью. <...> Допустив искренно и вполне высшее образование женщины, со всеми правами, которое дает оно, Россия еще раз ступила бы огромный и своеобразный шаг перед всей Европой в великом деле обновления человечества» (XI, 307). Эти слова Достоевского, как мы постараемся показать ниже, далеко не случайны.

В период своего недолгого пребывания на посту редактора «Гражданина» (январь 1873—апрель 1874 г.)¹ Достоевский принимал самое активное участие в работе журнала.

¹ О Достоевском как редакторе «Гражданина» см.: Оксман Ю. Г. Достоевский в редакции «Гражданина» (по неизданным материалам). — В кн.: Творчество Достоевского. Одесса, 1924, с. 64—82; Гроссман Л. П.

Если, как считал Л. П. Гроссман, почти все редакционные заявления в «Гражданине» за 1873 г. были написаны самим Достоевским,² то не следует ли предположить, что Достоевский явился также автором двух редакционных статей по женскому вопросу, принадлежавшему к числу актуальнейших общественно-политических вопросов своего времени и вызвавшему в 1870-е годы ожесточенную полемику в печати? Подобное предположение вполне вероятно, так как в том же «Гражданине» 1873 г. Достоевский выступил со статьей «Две заметки редактора», первая из которых была целиком посвящена женскому вопросу.

Однако установление авторства Достоевского усложняется в данном случае тем, что в 1872 г. В. П. Мещерский, издатель «Гражданина», на страницах этого журнала опубликовал несколько редакционных статей по женскому вопросу, подписанных его полным именем.

Поэтому целесообразно сопоставить тексты двух редакционных предисловий в «Гражданине» 1873 г. со статьями В. П. Мещерского и «Двумя заметками редактора» Достоевского.

Охарактеризуем теперь вкратце взгляды В. П. Мещерского по женскому вопросу, изложенные им в следующих статьях:

1) Наш женский вопрос. — Гражданин, 1872, 28 февраля, № 9, с. 299—301; 6 марта, № 10, с. 331—333.

2) Еще о женском вопросе. Ответ баронессе Корф. — Там же, 11 сентября, № 19, с. 33—35.

3) К делу! Ответ Русской женщине. — Там же, 4 декабря, № 31, с. 449—453.

Две первые из перечисленных статей Мещерского рисуют его как непримиримого противника женского образования, в котором он усматривает угрозу традиционным семейным устоям, взгляду на женщину лишь как на жену, мать и хозяйку дома. По мнению Мещерского, «женский вопрос в России — это вопрос столько же *противоисторический*, сколько *противоестественный* <...> он не имеет ни одной основы в жизни».³

В статье «К делу! Ответ Русской женщине» Мещерский впервые делает попытку серьезно сформулировать и обосновать свою точку зрения по женскому вопросу.⁴

Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. — Лит. наследство. Т. 15. М., 1934, с. 83—123; Томашевский Б. В. Достоевский-редактор (XIII, 580—593); Виноградов В. В. Достоевский как редактор «Гражданина» и как автор анонимных фельетонов в нем. — В кн.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 556—573.

² См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. XXII. Пб., 1918, с. 242.

³ Гражданин, 1872, 28 февраля, № 9, с. 300—301.

⁴ «Эволюция» во взглядах Мещерского объясняется просто. Статья, не удавшаяся автору, неоднократно им переделывалась после замечаний Достоевского, А. Н. Майкова и Т. И. Филиппова (см.: Лит. наследство, т. 86, с. 420).

Статья явилась ответом на публикацию в том же № 31 «Гражданина» за 1872 г. «Письма русской женщины за женский вопрос» (подписано: К. Соколовская), а также на некоторые другие статьи оппонентов. Теперь Мещерский уже согласен допустить женщин к высшему образованию, но призывает при рассмотрении женского вопроса исходить «из воззрения на женщину как на жену своего мужа и мать своих детей».⁵ Мещерский допускает необходимость высшего и профессионального образования для женщин в основном в двух случаях: 1) для одиноких и материально необеспеченных женщин; 2) для повышения авторитета женщины в семье как жены и воспитательницы детей.

Обратимся теперь к редакционным предисловиям в «Гражданине» 1873 г., посвященным женскому вопросу.

В № 13 и 14 «Гражданина» за 1873 г. (от 26 марта и 2 апреля) опубликована с сопроводительным редакционным предисловием (с. 403) статья Л. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“», полемически направленная против статьи В. П. Мещерского «К делу! Ответ Русской женщине».

Естественно предположить, что отвечать своему оппоненту должен был сам Мещерский, как это было в предыдущих случаях. Поэтому уже тот факт, что автор редакционного предисловия явно уклонился от прямой полемики, заставляет насторожиться.

Приведем начало предисловия: «От редакции. Эта статья г-жи Л. Ю. Кохновой есть собственно некоторый ответ на статьи кн. Мещерского по женскому вопросу, напечатанные в „Гражданине“ в прошлом году. Печатаем этот ответ без возражений и оговорок — единственно, чтобы дать возможность высказаться энергической мысли русской женщины, принявшей на себя столько труда для защиты прав своего пола».⁶

Автор редакционного предисловия (предположим, что это не Мещерский) был поставлен в затруднительное положение: он должен был представлять коллективное мнение редакции «Гражданина», выраженное, между прочим, и в прежних статьях Мещерского по женскому вопросу, даже если он полностью и не разделял точки зрения последнего.

Этой сложностью авторской позиции и объясняется противоречивый и уклончивый характер заметки. Из-за коллективного редакционного «мы» постоянно прорывается индивидуальная авторская интонация, выражающая личное и своеобразное мнение. Индивидуальное авторское мнение, не укладывающееся в прокрустово ложе консервативной программы Мещерского по женскому вопросу, особенно проступает в следующей фразе: «*Что до нас касается, то мы, например (т. е. не то что редакция «Гражданина», мы понимаем автора шире), — что до нас касается, то*

⁵ Гражданин, 1872, 4 декабря, № 31, с. 450.

⁶ Там же, 1873, 26 марта, № 13, с. 403.

мы готовы согласиться решительно на все требования автора и дать все, что только можно придумать. Пусть женщина будет адвокатом, аптекарем, бухгалтером и даже почтмейстером (правительственная должность!), как назначает сам автор...»⁷ В этом высказывании мы усматриваем прямой полемический выпад против Мещерского, что также свидетельствует не в пользу его авторства.⁸

Попытаемся проследить далее индивидуальную авторскую интонацию в приведенных ниже примерах.

«Мы заметили у почтенного автора один как бы риторический прием: „Вы, конечно, возразите мне то-то... Вы ответите мне, конечно, это-то“... И выписав наши воображаемые возражения, автор тотчас же разбивает их в пух и в прах, как и следовало ожидать. *Повторим автору: мы печатаем ответ его совершенно без возражений. А если бы и возразили, то, может быть, вовсе не то, что он предполагает и так легко разбивает.* Впрочем, это только насчет слога. Но смеем уверить автора, что, не соглашаясь с ним, пожалуй, в некотором развитии его мыслей, *мы в то же время совершенно согласны с ним в остальном* и тут же спешим прибавить, что почтенный автор совершенно не понял побуждений, руководивших нами в прежних статьях наших по женскому вопросу».⁹

Противоречивый, уклончивый характер приведенной выдержки налицо. Автор ее, полемизируя с Кохновой в основном «насчет слога», осторожно дает понять, что совершенно согласен с ней в остальном, в главном. Не имея возможности открыто отмежеваться от статей Мещерского по женскому вопросу, представлявших ранее коллективное мнение «Гражданина», он вынужден как-то защищать их, уклончиво намекая на добрые побуждения, которыми руководствовался их автор (т. е. Мещерский).

В отличие от Мещерского автор предисловия понимает, что женский вопрос, еще и не сформулированный точно в своих основных требованиях, имеет под собой определенную общественную и социальную почву, вызван потребностями реальной жизни. Он признает полную искренности «пламенную и законную (вполне!) жажду» женщин разрешить свои назревшие проблемы.

Подобные же мысли неоднократно высказывал и развивал Достоевский (см.: «Две заметки редактора» и «Дневник

---

⁷ Там же (курсив наш, — Н. Б.). — Кохнова в упоминавшейся выше статье «Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“» пишет о необходимости предоставления подобных должностей материально необеспеченным, ищущим работы женщинам.

⁸ Так, в частности, в статье «Наш женский вопрос» Мещерский писал: «Мы будем давать России женщин-ученых и женщин-деятелей, чтоб из них делать женщин без пола, без отечества, без отцов и матерей, без братьев и сестер, без мужей и детей» (там же, 1872, 6 марта, № 10, с. 33).

⁹ Там же, 1873, 26 марта, № 13, с. 403 (курсив наш, — Н. Б.).

писателя»). Так, в частности, в «Дневнике писателя» за 1873 г. (гл. XV, «Нечто о вранье») Достоевский писал: «В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине это было выше, чем у мужчин. Это несомненно, несмотря на все даже теперешние уклонения. <...> Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьезнее*, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться*. Уже не в самом ли деле нам отсюда ждать большой помощи?»

Думается, что приведенное высказывание Достоевского о русской женщине во многом навеяно его размышлениями над женским вопросом, с которым он близко соприкоснулся, будучи редактором «Гражданина». Более того. В словах писателя о настойчивом и терпеливом стремлении женщин к делу, их способности трудиться, искренности мы усматриваем глубокую внутреннюю связь с редакционным предисловием к статье Л. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“».

И еще одно бросающееся в глаза различие взглядов Мещерского и Достоевского по женскому вопросу. Мещерского, бытописателя высшего света, отличало полное незнание жизни средних и низших кругов русского общества. Отсюда его идеализация положения русской женщины, что не раз отмечали его оппоненты.

В № 22 «Гражданина» от 28 мая 1873 г. было перепечатано в сопровождении редакционной статьи «Наши студентки» (с. 627—629) правительственное оповещение от 21 мая 1873 г., запрещавшее русским студенткам посещать высшие учебные заведения Цюриха и отзывавшее их в Россию.

Выскажем некоторые предварительные соображения по поводу этой редакционной статьи. На правительственное сообщение, перепечатанное всеми центральными газетами, должен был откликнуться и редактор «Гражданина». Это ставило Достоевского как писателя и редактора в трудное положение. Полностью подписаться под реакционным правительственным решением, запрещавшим русским студенткам обучаться в высших учебных заведениях Швейцарии, он не мог, как не мог в качестве редактора петербургского издания умолчать об этом решении. Придерживаясь по женскому вопросу своеобразного мнения, отличного от взглядов революционно-демократической мысли, Достоевский в то же время никогда не солидаризовался и с наиболее консервативной точкой зрения по этому вопросу, выраженной, в частности, в редакционных статьях «Гражданина» за 1872 г., написанных В. П. Мещерским. Полностью отмежеваться от них он, однако, не мог. Б. В. Томашевский справедливо отметил «ложное положение Достоевского-редактора при другом фактическом редакторе — Мещерском. Инициатива Достоевского этим была связана, при неизбежной ответственности за действия Мещерского» (XIII, 584).

Если с учетом высказанных соображений подойти к анализу редакционной статьи «Наши студентки», то нетрудно обнаружить в ней следы колебаний, противоречий и идейных расхождений с редакционными статьями В. П. Мещерского.

Статья написана очень осторожно. Назвав «благоразумными» меры правительства относительно русских студенток, обучающихся в Цюрихе, автор статьи прежде всего спешит выразить сочувствие тем правительственным начинаниям, которые направлены на создание в России специальных высших и средних женских учебных заведений. «... В то же время, — пишет далее автор, — мы не можем не воспользоваться этим случаем, чтобы взглянуть, как мы всегда это делали, на вопрос прямо, со всех его сторон и без всяких забот о том, будет ли то, что мы скажем, популярно или не будет».¹⁰ Иными словами, публикация правительственного оповещения является для автора статьи поводом, чтобы высказать по существу свою точку зрения по интересующей его проблеме.

Автор статьи полностью и без оговорок поддерживает самую идею предоставления женщинам высшего (общего и специального) образования, но обращает внимание общества на те опасности, «которые могут угрожать и неминуемо будут угрожать правильной постановке вопроса о высшем женском образовании». В отличие от правительства, усматривавшего в развитии высшего женского образования в России «опасность политическую» (вовлечение широких кругов женщин в революционное движение), автор редакционной статьи указывает на опасность «нравственную». Сущность «нравственной фальши» он усматривает в появлении крайнего нигилизма в женской среде: «Наука уже перестает быть целью, а делается поводом или предлогом воевать с обществом во имя каких-то новых прав и искоренения каких-то старых предрассудков на женщину». Провозгласив, что «цель всякого образовательного учреждения для женщин, как низшего, так и высшего, та же, что для мужчин <...> единственная цель <...> образование женщины», автор редакционной статьи выдвигает три основных условия, достаточных, по его мнению, для достижения цели (строгая учебная дисциплина; строгое соблюдение нравственных норм; строгие ежегодные экзамены).¹¹

После этих предварительных замечаний обратимся к статье Достоевского «Две заметки редактора»,¹² которая самым непосредственным образом связана с редакционной статьей «Наши студентки».

---

¹⁰ Гражданин, 1873, 28 мая, № 22, с. 627.

¹¹ Там же, с. 628—629.

¹² Там же, 2 июля, № 27, с. 762—764 (перепечатано: XIII, 446—452). — Принадлежность этой статьи Достоевскому в настоящее время уже не вызывает сомнения. Авторство Достоевского, устанавливаемое по заглавию, содержанию и стилю статьи, подтверждается также фактом включения ее А. Г. Достоевской в состав сочинений писателя.

Для нашей темы представляет интерес прежде всего первая «заметка» редактора, касающаяся женского вопроса. Эта заметка является непосредственным откликом на публикуемое в этом же номере «Гражданина» (см. с. 761—762) «Письмо к редактору» слушательницы высших женских курсов в Москве, подписанное криптонимом «Л».

Анонимная корреспондентка, откликаясь на редакционную статью «Гражданина» «Наши студентки», спешит рассказать об успешной деятельности высших женских курсов в Москве и о царящей там деловой атмосфере.

Сущность изложенных в первой «заметке» взглядов Достоевского по женскому вопросу сводится к следующему. Он полностью поддерживает идею предоставления женщинам высшего образования, но указывает на опасность «нравственной фальши» в тех случаях, когда женщины стремятся не к получению образования, а рассматривают себя как деятельниц «в разрешении какого-то современного женского вопроса» (ср. с редакционной статьей «Наши студентки»).

Достоевский не только признал необходимость высшего образования для женщин, но и с присущей ему прозорливостью увидел в нем огромное общественное значение в деле нравственного обновления человечества: «... явиться слушательницею высших курсов с мыслию и надеждою образовать себя, — пишет Достоевский, — приобрести тем высшие духовные силы, приобрести средства быть через образование более обеспеченною и вооруженною в несчастных случаях жизни; кроме того, вознестись до благородного понятия, что всеобщее образование женщины внесет новую великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества, — эта мысль, заявляем мы, эта надежда <...> и есть начало единственного и настоящего разрешения „женского вопроса“ и у нас, и в Европе, и везде, начало настоящей правильной постановки его».¹³

Далее Достоевский — и это очень существенно — полностью повторяет ту программу по женскому вопросу из трех пунктов (см. выше), которая была ранее представлена в редакционной статье «Наши студентки».

Характерно, что постоянное обращение к статье «Наши студентки» сопровождается у Достоевского ссылками: «*Наше заявление* в 22 № „Гражданина“»; «*Припомним же, чего мы пожелали и о чем заявляли* в 22 № „Гражданина“»; «... *мы еще написали* в статье 22 № „Гражданина“»; «... *в трех нами выписанных из*

---

¹³ Гражданин, 1873, 2 июля, № 27, с. 762—763. — Мысль о большом общественном значении высшего женского образования, его выдающейся роли для судеб России, характерная для Достоевского и отличающая его от Мещерского, получит дальнейшее обоснование и развитие в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см., например, майский выпуск, гл. II, § 3, «Несомненный демократизм. Женщины»; июль—август, гл. IV, § 2, «Один из благодетельствованных современной женщиной»).

нашей статьи пунктах» (курсив наш, — Н. Б.) — и некоторыми другими. Это наводит на мысль и о принадлежности перу Достоевского статьи «Наши студентки». Можно возразить, однако, что форма «мы», общеупотребительная в редакционных примечаниях, скорее указывает на коллективное мнение редакции «Гражданина». ¹⁴ На это есть существенное возражение. Общность программы по женскому вопросу, впервые сформулированной в статье «Наши студентки» и полностью повторенной в «Двух заметках редактора», — общность, постоянно подчеркиваемая Достоевским, — именно это приводит к мысли, что в данном случае писатель скорее всего апеллирует к собственному мнению.

Следует принять во внимание и еще одно соображение. Письмо слушательницы Высших женских курсов, на которое отозвался Достоевский в «Двух заметках редактора», в свою очередь, явилось полемическим откликом на редакционную статью «Наши студентки». Тот факт, что на полемику откликнулся сам Достоевский, уже говорит о многом. Так подробно разъяснять и комментировать статью «Наши студентки», которая в силу своего противоречивого характера могла быть истолкована превратно, мог только сам автор. Достоевскому не было смысла посвящать половину своей статьи «Две заметки редактора», предназначенной по первоначальному плану для «Дневника писателя» за 1873 г., защите чужих идей, в данном случае во многом чуждых ему идей Мещерского. ¹⁵

В заключение несколько замечаний о стиле, которым написаны обе редакционные статьи. Он резко отличается от язвительно-холодной манеры Мещерского и характерен для Достоевского: этот стиль всегда эмоционально приподнят, иногда с тяжелыми и грамматически не очень правильными фразами, с излюбленными выражениями, вроде: «...восклицаем из глубины нашей души: да будет! да будет!» (см. редакционное предисловие к статье Л. Кохновой). Нельзя не отметить и любимую манеру Достоевского-публициста воспользоваться предоставившимся поводом, чтобы писать по существу вопроса. Подобную установку нетрудно проследить в статьях «Наши студентки» (повод — публикация правительственного оповещения), в «Двух заметках редактора» (первая из них написана по поводу письма слушатель-

---

¹⁴ Одновременно отметим, что форму «мы» Достоевский широко употребляет в своей публицистике (см., например, относящиеся к тому же времени статьи «Из текущей жизни» — Гражданин, 1873, № 24, 11 июня).

¹⁵ Б. В. Томашевский, перепечатавший статью «Наши студентки» в примечаниях к «Двум заметкам редактора» (см.: XIII, 600—603), высказал предположение, что Достоевский принимал участие в этой статье, но в то же время отметил, что сама статья своим содержанием «внушает некоторое сомнение в принадлежности ее Достоевскому» (там же, 600). К приведенным выше аргументам в пользу авторства Достоевского следует добавить следующий. Противоречивый характер статьи объясняется отчасти и цензурными соображениями: статья написана была по поводу правительственного сообщения.

ницы Высших женских курсов в Москве), в редакционном предисловии по поводу статьи Л. Кохновой. Характерны также для Достоевского-публициста нападки по адресу «псевдолиберальной печати» и уверения, что он не боится прослыть «ретроградом» в глазах либералов, отстаивая свою оригинальную точку зрения на женский вопрос (ср., например, статьи «Наши студентки» и «Две заметки редактора»).

Приведенные аргументы, как мы думаем, дают возможность предположить, что Достоевский явился автором редакционных предисловий к статье Л. Кохновой «Ответ женщины на призыв „Гражданина“: „К делу!“» и «Наши студентки».

Л. Р. ЛАНСКИЙ

БЕЛЬГИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ДОСТОЕВСКОМ

Незадолго до первой мировой войны московская переводчица М. В. Веселовская обратилась к ряду виднейших бельгийских писателей, поэтов и критиков с просьбой ответить на следующие четыре вопроса: «Какое место занимает Достоевский в мировой литературе?», «Какие произведения Достоевского вы читали и какие предпочитаете?», «Какие характеры из произведений Достоевского вы считаете наиболее выдающимися?» и «Оказывал ли Достоевский влияние на бельгийскую литературу?»

Четырнадцать писем бельгийских литераторов, отозвавшихся на эту анкету, сохранилось в архиве А. Г. Достоевской (Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве) вместе с пояснительной заметкой Веселовской, по видимому подарившей их Анне Григорьевне для обогащения ее коллекции автографов.

В неизданных автобиографических записках М. В. Веселовская подробно рассказала о своем знакомстве с известным бельгийским романистом Иваном Жилькеном.

«Жилькена очень интересовала Россия и русская жизнь, — писала она, — он многое читал о России, написал свою пьесу „Русские студенты“, где вывел студенчество без всяких грубых ошибок. „В течение многих лет Россия глубоко интересуется меня, — говорил он мне не раз, — своими большими талантами, как Тургенев, которого я люблю с детства, как Толстой и Достоевский, сочинения которых увлекают меня уже лет двадцать“. <...>

У Жилькена можно было встретить весь литературный мир Бельгии: здесь бывали и журналисты, и редакторы, и католики-поэты, и фламандцы-националисты, и чиновники-адвокаты, занимающиеся литературой. У Жилькена я встречала очень многих поэтов и романистов, — со многими очень подружилась, в свою очередь бывала и у них. <...>